

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАМЯТЬ НА ПИРУ	13
Доны и их закидоны	21
Легенды джунглей	55
Пойди к осе, ленивец:	
эволюционная экономика	69
РАССКАЗ ДЕЛЕГАТА	105
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЛЕКЦИИ	131
Острова блаженных	145
КТО НАШЕЛ ИЗДАТЕЛЯ, ТОТ НАШЕЛ БЛАГО	167
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	219
ДЕБАТЫ И ВСТРЕЧИ	281
ПРОФЕССОР ИМЕНИ СИМОНИ	317
РАСПЛЕТАЯ НИТИ НАУЧНОГО ПОЛОТНА	359
Таксомоторная теория эволюции	359
Расширяя фенотип	370
Действие на расстоянии	377
Переоткрывая организм: пассажиры и безбилетники	381
Отголоски “Расширенного фенотипа”	384
Пределы совершенства	392
Инженер-дарвинист в учебной аудитории	401

“Генетическая книга мертвых” и биологический вид как “усредняющий компьютер”	413
Эволюция в пикселях	419
Эволюция способности к эволюции	433
Эмбриональный калейдоскоп	444
Артроморфы	448
Сотрудничающий ген	455
Универсальный дарвинизм	458
Мемы	466
Испорченный телефон и неиспорченная джонка	470
Модели мира	474
Убеждение личным недоверием	479
“Бог как иллюзия”	483
ЗАМЫКАЮЩИЙ КРУГ	501
<i>Благодарности</i>	<i>503</i>
<i>Источники иллюстраций</i>	<i>505</i>
<i>Предметно-именной указатель</i>	<i>509</i>

Посвящается Лалле

Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков.

Уильям Шекспир.
“Макбет”. Акт V, сцена 5.
Пер. Б. Пастернака

Наука — как свеча во тьме.

Карл Саган. *Подзаголовок книги*
“Мир, полный демонов”, 1995

Лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму.

Неизвестный автор

ПАМЯТЬ
НА ПИРУ

Что я делаю здесь, в столовой Нового колледжа*, готовясь прочесть вслух собственное стихотворение сотне гостей на торжественном ужине? Как я попал сюда? По субъективным ощущениям мне двадцать пять лет, а объективно я, к своему удивлению, праздную семидесятый оборот вокруг Солнца. Я оглядываю длинный стол, озаренный свечами, уставленный серебром и хрустальными бокалами, улавливаю вспышки блистательного остроумия и искрящихся фраз, а заодно ловлю и обрывки воспоминаний, стремительно пролетающих перед умственным взором.

Возвращаюсь в детство, в колониальную Африку: кругом — большие ленивые бабочки, острый вкус листьев настурции, украденных из незабвенного сада в Лилонгве, вкус манго, чью неопишемую сладость перебивает пряный аромат скипидара и серы; школа-пансион в благоухающих хвоей горах Вумба в Зимбабве. Затем — “домой”, в Англию, под устремленные в небеса шпили Солсбери и Аундла: студенческие годы среди плоскодонок и башенок Оксфорда, грезы о прекрасных девушках, зарождение интереса к науке и глубоким философским вопросам, на которые только наука и может ответить; первые опыты научных исследований, преподавание в Оксфорде и Беркли; возвращение в Оксфорд молодым и ретивым лектором; снова исследования (в основном в сотрудничестве с моей

---

* Новый колледж — один из колледжей Оксфордского университета, в котором Докинз работал с 1970 года. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

первой женой Мэриан, которая сегодня здесь, за столом в Новом колледже), затем — моя первая книга, “Эгоистичный ген”. Воспоминания летят стремительно: вот мне уже тридцать пять, на полпути к сегодняшнему юбилею. Те годы описаны в моей первой автобиографической книге “Неутолимая любознательность”.

Вспоминая свой тридцать пятый день рождения, я припомнил статью юмориста Алана Корена, где он описывал собственное тридцатипятилетие. Корен изображал, будто его угнетала мысль, что он дожил до середины — и теперь дорога только под уклон. У меня тогда такого ощущения не было — может быть, потому, что я как раз вносил завершающие штрихи в свою первую, довольно юношескую, книгу и предвкушал ее выход и все, что за ним последует.

После выхода книги благодаря неожиданно высоким продажам я вдруг оказался в числе людей, которых журналисты (охочие до лишних сантиметров колонки) регулярно просят составить идеальный список гостей на ужин. Во времена, когда я еще отвечал на подобные запросы, я бы, безусловно, пригласил некоторых блестящих ученых, но также и писателей, и творческих людей всех мастей. Собственно, в любой из моих списков вошло бы не меньше пятнадцати гостей с моего сегодняшнего дня рождения: писатели, драматурги, телеведущие, музыканты, комики, историки, издатели, актеры и магнаты международного бизнеса.

Оглядывая знакомые лица за столом, я думаю, что тридцать пять лет назад вряд ли можно было представить день рождения ученого с таким количеством гостей из мира литературы и искусства. Сменился ли дух времени с тех пор, как Чарльз Сноу сокрушался о разрыве между научной и литературной культурами? * Что произошло за годы, к которым теперь обра-

---

* Чарльз Перси Сноу (1905–1980) — английский писатель и ученый. В эссе “Две культуры и научная революция” (1959) описал разрыв между гуманитарной культурой и культурой научно-технического прогресса.

тилась моя мысль? Грезы переносят меня в самую середину тех времен, и передо мной встает огромная, незабываемая фигура Дугласа Адамса, к сожалению, отсутствующего на празднике. В 1996 году, когда мне было пятьдесят пять, а ему на десять лет меньше, мы беседовали на камеру для документального фильма Четвертого канала под названием “Преодолевая научный барьер”. Передача как раз стремилась показать, что наука должна внедриться в широкую культуру, и мое интервью с Дугласом было гвоздем программы. Вот отрывок из его рассуждений:

Думаю, роль художественной книги немного изменилась. В XIX веке люди искали глубоких размышлений и философских вопросов именно в книгах. Они обращались к Толстому и Достоевскому. В наши дни, конечно, об этих вопросах намного больше рассказывают ученые, чем можно добиться от романистов. Так что настоящую, сытную пищу для ума я беру в научных книгах, а романы читаю для развлечения.

Может быть, это часть тех самых перемен? Может быть, писатели, журналисты и прочие, кого Чарльз Сноу уверенно отнес бы к “первой культуре”, все больше включаются во вторую? Если бы Дуглас был жив, смог бы он — через двадцать пять лет после того, как изучал английскую филологию в Кембридже, — вернуться к романам и найти в них то, что привык искать в науке: скажем, у Иэна Макьюэна или Антонии Байетт? Или у других романистов, которые увлекались наукой — например, у Филипа Пулмана, Мартина Эмиса, Уильяма Бойда или Барбары Кингсолвер? А еще есть весьма успешные пьесы, черпавшие вдохновение в науке, — например, у Тома Стоппарда и Майкла Фрейна. Может ли быть, что звездное общество, которое собрала в мою честь моя жена Лалла Уорд (она актриса и художница и при этом хорошо разбирается в науке), — не только веха моей частной жизни, но и своего рода знак культурных перемен? Может ли быть так, что мы наблюдаем созидательное объединение

научной и литературной культур — и возникновение “третьей культуры”: ради этого незримо трудился мой литературный агент Джон Брокман, он держит процветающий онлайн-салон и взрастил множество блистательных научно-популярных авторов. Или, может быть, это слияние культур, к которому я сам стремился в книге “Расплетая радугу”, где под влиянием Лаллы я старался дотянуться до литературного мира и навести мосты между ним и наукой. *Но где же прошлогодний Сноу?*

Об этом есть две истории (а если вы не любите отступления с историями — вероятно, вы читаете неподходящую книгу). Один из гостей на этом ужине в Новом колледже, путешественник и искатель приключений Редмонд О’Хэнлон, описавший свои странствия в неимоверно смешных книгах, например, “В сердце Борнео” (*Into the Heart of Borneo*) и “Снова в беде” (*In Trouble Again*), вместе с женой Белиндой устраивал литературные вечеринки и ужины, на которые, кажется, приглашали весь литературный Лондон. Писатели и критики, журналисты и редакторы, поэты и издатели, литературные агенты и литературные гиганты слетались к ним в отдаленный уголок графства Оксфордшир: дом был набит чучелами змей, засушенными головами, выдубленными временем мертвыми телами, книгами в переплетах из выдубленной кожи — экзотическими диковинками от антропологии и, возникает подозрение, антропофагии. Их вечера славились обществом, а когда приезжал Салман Рушди — еще и присутствием телохранителей, которые образовывали собственное общество наверху.

В день очередного такого сборища у нас с Лаллой гостил Нейтан Мирволд, технический директор *Microsoft* и один из самых изобретательных гиков Кремниевой долины. По образованию Нейтан — математический физик. После защиты диссертации в Принстоне он работал в Кембридже со Стивеном Хокингом: тогда Стивен еще мог говорить, но понимали его лишь несколько приближенных, которые выступали в роли переводчиков для остального мира. Нейтан был одним из таких

высококвалифицированных научных секретарей. Теперь он по-настоящему раскрылся и стал одним из передовых мыслителей в сфере высоких технологий. Мы сказали пригласившим нас Редмонду и Белинде, что у нас дома гость, и они, проявив свое обычное радушие, велели нам взять его с собой.

Нейтан слишком вежлив, чтобы единолично завладеть разговором, но, видимо, его соседи за столом спросили, чем он занимается, и беседа перетекла в обсуждение теории струн и прочих загадок современной физики. Весь избранный литературный круг был околдован. Несомненно, они начали, как обычно, с обмена изящными шуточками с соседями. Но с того конца стола, где сидел Нейтан, неумолимо нахлынула волна интереса к науке, и вечер превратился в неофициальный семинар о странностях современной физики. Когда в семинаре участвуют умы такого калибра, как за тем ужином, начинается интересное. Мы с Лаллой грелись в лучах его славы: ведь именно мы привели этого неожиданного гостя на вечер, который стал воплощением “третьей культуры”. Потом Редмонд позвонил и сказал Лалле, что никогда еще, за все годы вечеринок, он не видел, чтобы именитые литературные гости пребывали в таком потрясенном молчании.

Вторая история практически зеркальна первой. Драматург и романист Майкл Фрейн с женой, знаменитой писательницей Клэр Томалин, гостили у нас с Лаллой, когда выдающуюся пьесу Майкла “Копенгаген” ставили в театре “Оксфорд плейхаус”. В пьесе идет речь об отношениях двух гигантов современной физики — Нильса Бора и Вернера Гейзенберга — и о загадке из истории науки: зачем Гейзенберг приехал к Бору в Копенгаген в 1941 году и какую роль Гейзенберг сыграл в войне (см. также стр. 328). После спектакля Майкла отвели в комнату наверху, где собрались оксфордские физики — они забросали его вопросами. Мне невероятно повезло слушать, как аристократ от литературы и философии принимал вопросы от виднейших оксфордских ученых, среди которых были даже члены Лондон-

ского королевского общества. Еще один вечер в копилку поборников третьей культуры, вечер, который бы приятно удивил новых Чарльзов Сноу тридцать лет спустя.

Смею надеяться, что мои книги, начиная с “Эгоистичного гена” в 1976 году, внесли свой вклад в изменение культурного ландшафта — так же, как и работы Стивена Хокинга, Питера Эткинса, Карла Сагана, Эдварда О. Уилсона, Стива Джонса, Стивена Джея Гулда, Стивена Пинкера, Ричарда Форти, Лоуренса Краусса, Дэниела Канемана, Хелены Кронин, Дэниела Деннета, Брайана Грина, двух М. Ридли (Марка и Мэтта), двух Шонов Кэрроллов (физика и биолога), Виктора Стенджера и других и вся дискуссия журналистов и критиков, последовавшая за этими публикациями. И здесь я оставляю за скобками научных журналистов, которые популярно разъясняют науку широкой публике, — хотя они тоже молодцы. Я говорю о книгах профессиональных ученых, предназначенных для читателей-профессионалов в той же или смежных областях, но написанных таким языком, что широкая публика может заглянуть через плечо и присоединиться. Хотелось бы думать, что в запуске “третьей культуры” поучаствовал и я.

В отличие от “Неутолимой любознательности”, второй том моей автобиографии не выдержан в хронологическом порядке; более того, воспоминания на моем семидесятом дне рождения — даже не единственный взгляд в прошлое в этой книге. Скорее здесь собран ряд воспоминаний, разбитых по темам, прерываемых отступлениями и байками. Раз мы избавились от жесткой хронологии, то и порядок глав будет более-менее случайным. В первом томе я писал: “Прежде всего именно благодаря Оксфорду я и стал тем, кем стал”*, — так почему бы не начать с моего возвращения в эти стены, сложенные из известняка и источающие свет мудрости?

* Цит. по: РИЧАРД ДОКИНЗ. *Неутолимая любознательность*. Пер. П. Петрова. М.: Corpus, 2018.

Доны
и их закидоны